

Матушевский Игнаций

ДЬЯВОЛ В ПОЭЗИИ

**История и психология фигур,
олицетворяющих зло в изящной
словесности всех народов и веков.
Этюд по сравнительной истории
литературы Игнация Матушевского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И26

И26 **Игнаций М.**
Дьявол в поэзии: История и психология фигур, олицетворяющих зло в изящной словесности всех народов и веков. Этюд по сравнительной истории литературы Игнация Матушевского / Матушевский Игнаций – М.: Книга по Требованию, 2023. – 283 с.

ISBN 978-5-519-95741-0

ISBN 978-5-519-95741-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гуру сатаны и вмѣстѣ съ тѣмъ иначе воплощалъ ее. Представить вкратцѣ исторію и фазы этой этико-философской эволюціи и составляетъ задачу нашей книги. Для того чтобы избѣжать возможныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неосновательныхъ упрековъ, мы заявляемъ съ первыхъ же страницъ, что займемся *исключительно* литературой *артистической*, признавая поэзію народную только сокровищницей, откуда нѣкоторые авторы черпали мотивы и темы для своихъ произведеній.

Народныя преданія—не только поэмы, но и *миѳы*, и къ ихъ изслѣдованію нужно было бы приложить другой критическій методъ, чѣмъ къ произведеніямъ, обладающимъ характеромъ чисто - литературнымъ, — разборъ же обоихъ этихъ родовъ творчества въ одной и той же книгѣ несомнѣнно смутилъ бы желательную ясность изложенія.

Итакъ, считаясь съ народной «миѳологіей», точно также какъ съ миѳологіями грековъ, римлянъ, индусовъ и т. д., мы все свое вниманіе сосредоточимъ на произведеніяхъ, ясно носящихъ на себѣ отпечатокъ индивидуальности ихъ творцовъ.

Начавъ съ самыхъ древнихъ временъ и бѣгло обозрѣвъ письменность всѣхъ народовъ, мы дольше остановимся на литературѣ Среднихъ Вѣковъ, Возрожденія и Реформаціи, а также начала XIX вѣка,—эти эпохи и породили самые выдающіеся типы демоновъ.

Конецъ нашего столѣтія, хоть и не произвелъ ни одного титана ада, тѣмъ не менѣе по отношенію къ сатанизму занялъ положеніе настолько оригинальное, что мы должны были посвятить анализу демоническихъ произведеній современной эпохи отдѣльную книгу.

Въ слѣдующей затѣмъ книгѣ мы подробно разобрали немногочисленные и неяркія сатаническія фігуры польскихъ поэтовъ и закончили нашъ трудъ попыткой опредѣленія законовъ, которымъ подчинялась эволюція типовъ дьявола въ исторіи изящной литературы всего міра.

Исторію дьявола обрабатывали уже неоднократно; но всегда интересовались или теологически-общественной стороною, или общественно-культурной, почти совершенно пренебрегая поэзіей и эстетикой демонизма. И вотъ, приступая къ этому этюду и не имѣя возможности опереться на предшественниковъ, мы должны были одни не только обрабатывать, но и собирать матеріалъ, не всегда легко доступный и вообще мало знакомый большинству.

Въ настоящемъ изданіи мы старались не только увеличить сумму фактовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширить и переработать теоретическую часть книги, сдѣлать болѣе рельефною причинную связь между отдѣльными явленіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, какимъ образомъ воздѣйствовали на нее перемѣны, сопряженныя съ развитіемъ интеллекта разныхъ народовъ и вѣковъ.

Если мы теперь спросимъ объ утилитарной цѣли подобныхъ литературныхъ попытокъ, то отвѣтъ долженъ быть таковъ: всякая подробная сравнительно-историческая монографія обогащаетъ наши свѣдѣнія въ области всечеловѣческой психологіи.

Такую монографію мы и хотѣли создать; хорошо ли мы рѣшили нашу задачу,—пусть судятъ критика и читатели.

КНИГА I.

Олицетвореніе зла въ поэзіи народовъ нехристіанскихъ.

I.

Обозрѣніе демоническихъ фигуръ въ письменности народовъ, признающихъ политеизмъ.

Религіозный дуализмъ у дикихъ.—Фрагменты аккадійской и ассирійско-вавилонской литературы.—Египетскіе миѳы.—Индійскіе гимны, легенды, эпопеи и драмы.—Отъ Зороастра и Зендъ-Авесты до „Книги царей“ Фирдуси.—Демонизмъ въ поэзіи Греціи и Рима.

Когда первобытный человѣкъ началъ останавливаться надъ загадкой мірозданія, его должно было прежде всего поразить, сначала въ мірѣ физическомъ, а значительно спустя и въ моральномъ,—противоположность двухъ враждебныхъ другъ другу элементовъ: мрака и свѣта, зла и добра, правды и лжи. А такъ какъ столь радикально противоположныя вещи, повидимому, не могли исходить изъ одного источника, то люди приписывали ихъ началу существамъ высшимъ, чаще всего созданнымъ по образу и подобию своему, и называли одно изъ нихъ богомъ добра, другое—богомъ зла,

Этотъ дуализмъ болѣе или менѣе ясно вырисовывается почти во всѣхъ мифологіяхъ.

Это не трудно отыскать и у современныхъ намъ дикихъ, которые, какъ утверждаютъ Леббокъ и Тэйлоръ, иногда почитаютъ злого духа болѣе, чѣмъ добраго, и все это на основаніи остроумнаго и практическаго предположенія, что добрый и безъ молитвы никому зла не сдѣлаетъ *).

Въ знаменитомъ поэтико-этнографическомъ сборникѣ Гердера «Голоса народовъ въ пѣсняхъ», мы находимъ слѣдующій характерный гимнъ Мадагаскарцевъ: «Занаръ и Ніангъ сотворили міръ. О, Занаръ, мы не будемъ обращаться къ тебѣ своихъ молитвъ; о чемъ мы будемъ просить добраго бога? Нужно успокоить гнѣвъ Ніанга!

«Ніангъ, злой и могучій духъ, не позволяй грому гремѣть надъ нашими головами; воспрети морю размывать наши берега; охраняй растущія овощи; не выжигай цвѣтущаго риса; не разверзай лона нашихъ женъ въ несчастные дни и не принуждай мать, чтобы она надежду своей старости топила въ пучинахъ моря!»

«Ніангъ! не разрушай добрыхъ дѣлъ Занара! Ты царствуешь надъ злыми; ихъ число и такъ ужъ достаточно велико: не мучай же добрыхъ **).

*) Въ этомъ отношеніи замѣчательно племя Іезидовъ, или поклонниковъ дьявола, живущихъ въ Иракъ-Аджеми, на сѣверѣ Месопотаміи. Опертъ думаетъ, что религія ихъ—отголосокъ Парсизма, измѣненный до того, что вмѣсто Ормузда поклоненіе достается на долю Аримана, который современемъ отблагодаритъ своихъ поклонниковъ.

**) Ср. ту же самую пѣсню у Тальви: „Versuch einer geschichtl. Character. des Volkliedes“. Въ западной Австраліи существу-

Въ религіяхъ древнихъ народовъ дуализмъ проявляется въ разнообразнѣйшихъ видахъ: то въ нѣсколькихъ обособленныхъ миѳическихъ единицахъ, то въ раздѣленныхъ на ряды добрыхъ геніяхъ съ одной стороны, и злыхъ чудовищъ и страшилищъ, съ другой. Соотвѣтственно съ этимъ образуется и демонологическая литература всякаго народа.

У первобытныхъ обитателей Месопотаміи, напримѣръ, у тѣхъ, которые въ теперешней наукѣ носятъ имя Аккадъ, большая часть дешифрованныхъ обломковъ письменности посвящена описанію дѣятельности злыхъ духовъ, или магическимъ формуламъ заклинаній, очень близко напоминающимъ наши народные заговоры. Что же дѣлаютъ эти аккадійскіе демоны?

Перебѣгаютъ изъ края въ край,
У невольницъ отнимаютъ возможность стать матерью,
Свободную женщину изъ дома, гдѣ она породила дѣтей,
удаляютъ,
Дѣтей изъ дома отца выгоняютъ,
Голубямъ направляться къ гнѣзду мѣшаютъ,
У птицъ, во время полета, крылья искривляютъ,
Ласточекъ на волѣ топятъ въ пронасти,
Воловъ убиваютъ, ягнятъ убиваютъ...

есть племя, вѣрящее, что міръ сотворилъ добрый богъ, Мотогонъ; но они о немъ не заботятся, — зато страшно боятся бога зла, Сиенга. Тэйлоръ думаетъ, что только такъ, „практически“ понимаемый дуализмъ и составляетъ сущность вѣрованій нецивилизованныхъ народовъ; этические элементы въ пониманіи разницы между добромъ и зломъ попали въ миѳологию дикихъ лишь въслѣдствіе столкновенія съ христіанствомъ. („Первобытная цивилизація“, II, гл. XVІІ).

Природу этихъ злобныхъ существъ другой текстъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

Это не мужчины и не женщины...

Женъ они не знаютъ, дѣтей не имѣютъ.

Не знаютъ, что такое хорошій порядокъ, что такое милосердіе.

Ни просьбъ, ни молитвъ не слушаютъ;

Они—словно черви, плодящіеся въ горахъ;

Сталкиваются съ сѣдель путниковъ, сидятъ вдоль дороги...

Почему же они таковы и къ какой цѣли направляется ихъ дѣятельность? Объ этомъ изъ обрывковъ аккадійской литературы догадаться трудно.

Но тѣмъ не менѣе, кажется, демонологія аккадовъ была очень богата и слагалась въ іерархическую систему. Существовалъ цѣлый міръ духовъ, обладающихъ ясно опредѣленными атрибутами и положеніями.

На вершинѣ лѣстницы находились геніи высшего разряда (по-аккадійски *масъ* или *ламма*—колоссъ; по-ассирійски *седъ* или *ламасъ*).

О нихъ къ намъ дошло наименьшее количество свѣдѣній.

Лучше намъ знакомы низшія степени іерархіи, такъ называемые *утуки*, которые распадаются на слѣдующіе разряды: *Алалъ* (истребитель, по-ассирійски *Алу*), *Гиммъ*, *Экимъ* (невыясненное до сихъ поръ), *Теталъ*, *Галлу*—воинъ, и, кромѣ того, *Максимъ*, по-ассирійски *рабизъ*, то-есть «тотъ, который ставитъ западни». Этихъ послѣднихъ было семь; они пребывали въ глубинѣ земли и могли производить великіе перевороты на всемъ свѣтѣ (землетрясенія и т. п.). Ихъ побѣждали заклятіями и призывомъ къ помощи добрыхъ боговъ, которые одолѣвали и укрощали злыхъ Максимовъ.

Аккады вѣрили также въ навожденіе и лѣчили его, какъ и другія болѣзни, при помощи талисмановъ, заклинаній и магическихъ формулъ.

Пуškai выходятъ злые духи.
Пусть борются другъ съ другомъ,
Духъ добрый, колоссъ благожестельный,
Да внидетъ въ тѣло!

Кромѣ того, извѣстны были упыри, видѣнія и страхи. *Уруку, Ратанмешабъ-Аххару, Ратанмеа-Лабассу, Ратанме-Лабатру* и домашніе духи (*Киель-удда-карру*, по-ассирійски *ардатъ*).

Однимъ словомъ, у аккадійскихъ народовъ не было недостатка ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ демоническихъ типовъ.

Духамъ злымъ противопоставлялись духи добрые; но этотъ дуализмъ имѣлъ характеръ чисто физическій, а не моральный. Духи добрые—это были духи полезные, злые духи—духи вредные и надоедливые. [Вопроса о добрѣ метафизическомъ, къ которому надлежало бы стремиться ради него самого, тамъ не существовало совѣмъ, и поэтому самому не могло существовать понятія о безотносительномъ злѣ, какъ объ отрицаніи всѣхъ идеальныхъ аспирацій.

Семитическое племя, которое мало-по-малу затопляло страну аккадовъ, переняло отъ нихъ не только клинообразныя письма, но и вѣру въ злыхъ и въ добрыхъ духовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ магическую силу заклинаній. Но то, что у аккадовъ являлось настоящимъ культомъ, у вавилонянъ и ассирійянъ стало чѣмъ-то вро-

дѣ вспомогательнаго фактора религіи, чародѣйски-теургическимъ ритуаломъ, или магіей.

Это—первое ясное проявленіе нерѣдкаго въ исторіи человѣчества процесса ассимиляціи религіозныхъ понятій одного народа другимъ народомъ, при общемъ пониженіи этико-философскаго и іерархическаго уровня усвоенныхъ мнѣніескихъ вымысловъ. Значительно позже это замѣчается и въ Европѣ, гдѣ побѣжденные языческія вѣрованія ютятся до сихъ поръ въ легендахъ, сказаніяхъ и предразсудкахъ народа.

Но надъ перенятой отъ туранскихъ аккадовъ демономаніей, еще носящей яркую анимистическую окраску, въ Вавилонѣ и Ассиріи царила другая, гораздо высшая религія, основанная на поклоненіи силамъ природы, въ особенности свѣта и тепла, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ главныхъ источниковъ—солнца и всѣхъ сіяющихъ небесныхъ тѣлъ.

Религія, родственная съ вѣрой финикіянь и многихъ другихъ мелкихъ семитическихъ племенъ, въ природѣ прежде всего видѣла активную и пассивную сторону, оплодотворяющую и рождающую, мужскую и женскую,—поэтому дуализмъ фізіологическій, половой тамъ господствовалъ надъ этическимъ, однако не обезличивая его окончательно. Всякому богу почти всегда соотвѣтствовала какая-нибудь богиня, а независимо отъ этого, всѣ эти божества выступали въ противоположныхъ роляхъ: разъ, какъ сила благодѣтельная (напримѣръ, солнечная теплота весною), другой разъ, какъ сила разрушительная (губительные лѣтніе жары).

Отсутствіе литературныхъ документовъ до сихъ поръ

не даетъ возможности выработать ясно опредѣленное понятие о психо-поэтическомъ характерѣ этой семьи боговъ.

Разобранные до сихъ поръ клинообразные тексты заключаютъ нѣсколько отрывковъ эпического содержанія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что тамошніе боги и герои вступали въ борьбу и побѣждали разныхъ чудовищъ, между прочимъ, Тіамата и Була, иначе «пожирателя», питавшагося тѣломъ прекрасныхъ дѣвъ до тѣхъ поръ, пока его не убилъ Саидъ, сынъ Издубара (Персей и Андромеда!).

Наиболѣе интереснымъ для насъ фрагментомъ является сошествіе богини Истары (вавилонская Венера, Астарта финикіянъ) въ адъ съ цѣлью освобожденія своего умершаго возлюбленнаго, Тузи (Адонисъ). Здѣсь поражаетъ нѣкоторая—конечно, очень поверхностная,—аналогія между этой до-исторической легендою и «Божественною Комедіею» Данта.

Къ отдаленному царству, отъ куда никто не возвращает-
с я, къ странѣ уничтоженія

Истаръ, дочь богини Синъ, направила свои желанія...

Къ убѣжищу, въ которое входятъ, но изъ кото-
ра го уже не выходятъ.

На тропинку, которая ведетъ впередъ, но по которой не возвра-
щаются назадъ,

Къ зданію, которое лишено свѣта,

Къ мѣсту, гдѣ пыль служитъ пищею, а грязь напиткомъ,

Куда не проникнетъ солнечный лучъ, гдѣ царитъ мракъ,

Гдѣ тѣни, словно птицы, мечутся подъ сводами...

Кто, прочтя это краснорѣчивое опредѣленіе убѣжища смерти, не вспомнить знаменитую надпись, извѣченную

рукою пѣвца Беатриче надъ адскими вратами и заканчивающуюся угрюмымъ:

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!...

Не много больше даетъ намъ матеріала и темная еще до сихъ поръ миѳологія и не изслѣдованная настоящимъ образомъ литература египтянъ.

Зло въ принильской странѣ обладало яркимъ представителемъ въ лицѣ Тифона-Сета (Тобху-Сить).

Сеть, собственно, принадлежалъ къ старѣйшимъ богамъ Египта, былъ однимъ изъ царей «божественной» династіи; но, слившись въ эпоху нашествія гиксовъ съ ихъ народнымъ богомъ, Сутехомъ (Сутху), въ одно лицо, былъ, послѣ изгнанія угнетателей, свергнутъ съ высотъ египетскаго Олимпа и съ тѣхъ поръ олицетворялъ не только вредныя силы природы, но и все, что было чужимъ, иноземнымъ, не египетскимъ. Значить, это былъ богъ не только злой, но и анти-народный. Все, что приходило изъ-за соленого моря, или изъ-за палящихъ песковъ пустыни, было дѣломъ Тифона-Сета, съ которымъ сражался Горъ, сынъ и мститель Узури, убитаго бога добра и свѣта (Озирисъ).

Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ примѣромъ пониженія (сатанизациі) божества, по происхожденію своему добраго, — собственно потому, что его чтилъ враждебный народъ.

Вообще, въ большинствѣ религій, зло, кажется, не имѣетъ собственнаго генетическаго начала, но является только порчей, паденіемъ того, что первоначально было доб-